
ШКОЛА ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ
ЗИМА БЕЗ РАСПИСАНИЯ
АЛЁНА СЕВЕРИНА

Школа забытых фонарей

Алёна Северина

Школа забытых фонарей. Зима без расписания

«Автор»
2026

Северина А.

Школа забытых фонарей. Зима без расписания / А. Северина — «Автор», 2026 — (Школа забытых фонарей)

Ледяной дождь оставляет северный квартал Серебряной Гавани без тепла. Соня Орлова организует помощь соседям, а Лев Данилов вместе с инженером Ниной Арсеньевой пытается выяснить, почему аварийные предупреждения игнорировали годами. Пока управляющая компания обещает невозможное, жители обнаруживают, что старые решения о закрытии школы и переселении квартала были приняты совсем не так, как им говорили. Это история о выборе, ответственности и городе, который перестал ждать спасителя.

© Северина А., 2026
© Автор, 2026

Алёна Северина
Школа забытых фонарей.
Зима без расписания

Глава 1. Ледяной дождь

Соня Орлова выдернула из окна мокрый листок, прежде чем ледяной дождь успел приклеить его к стеклу.

Бумага разорвалась по сгибу. На половине, оставшейся в ее руке, читалось: «В связи с аварией на тепловой сети…». Дальше чернила расплылись, будто сообщение пыталось исчезнуть вместе с теплом в домах.

На площади у остановки уже собирались люди. Ледяная корка звенела под подошвами, фонари светили мутно, через серую завесу дождя. В северном квартале один за другим гасли подъезды: сначала дом на Лесной, потом девятиэтажка у котельной, затем длинный корпус с балконами, где Татьяна Доброхотова жила на пятом этаже.

Соня набрала номер диспетчерской.

— Серебряная Гавань, северный квартал, — сказала она, когда ответили. — Температура в квартирах падает. Что людям делать сейчас?

— Объявление уже передали, — ответил молодой голос. — Аварийная бригада выехала.

— Куда выехала?

На том конце помолчали.

— На участок теплотрассы.

— А людям куда?

— Рекомендуем оставаться дома и закрыть окна.

Соня посмотрела на щели между рамами. Ветер гнал по улице ледяную крупу, а в доме напротив женщина в пуховике пыталась прижать к стеклу одеяло.

— У многих дети и пожилые. Нужен пункт обогрева.

— Управляющая компания рассматривает вопрос.

— Рассматривает? — Соня сжала телефон. — В школе можно открыть зал. Там есть электричество, большие помещения, санузлы.

— Здание не эксплуатируется.

— Именно поэтому я спрашиваю, можно ли его открыть безопасно.

Ответа не последовало. Связь оборвалась.

Через двадцать минут у школы собрались Лев Данилов, Нина Арсеньева и Пётр Макаров. Лев принёс два термоса и складные фонари. Нина явилась без шапки, с серебристой прядью, выбившейся из-под капюшона, и сразу направилась к боковой двери.

— Мне не нравится, что про безопасность вспомнили только после того, как люди начали мерзнуть, — сказала она.

— Светлана Уварова обещала прислать ключи, — ответила Соня.

— Уварова обещает ровно столько, сколько нужно, чтобы никто не спросил с нее завтра.

Пётр держал под мышкой планшет. Он выглядел моложе своих двадцати с небольшим лет, хотя старался казаться старше, и все время проверял экран, словно надеялся найти там другую смену, другого себя, другой вечер.

— Дверь откроют через служебный вход, — сказал он. — Я запросил журнал отключений.

Лев посмотрел на него.

— И что там?

— Пока ничего.

— У тебя все ответы начинаются со слова «пока»?

— У меня работа такая.

— Нет, — тихо сказала Нина. — Работа у тебя другая. А это привычка.

Пётр отвел глаза.

Внутри школа пахла пылью, мокрой штукатуркой и холодным железом. Лучи фонарей скользили по коридору, где на стенах еще держались выцветшие стенды. В актовом зале стояли сложенные стулья, на сцене темнел закрытый занавес. Пространства хватало для сотни человек, но Нина не позволила никому идти дальше первого этажа.

— Сначала инженерное обследование, — сказала она. — Потом решения.

Они спустились к подвальному входу. Нина остановила всех у лестницы и подняла ладонь.

Из-за двери доносился низкий гул. Не ровный, а рваный: будто внутри здания кто-то тяжело дышал, сбиваясь.

— Это не должно работать, — сказала она.

— Но отопление отключено, — возразила Соня.

— В школе — да. В узле рядом с ней нет.

Нина не стала открывать дверь. Она позвонила в аварийную службу, передала адрес и описала звук. Через несколько минут на связь вышел дежурный инженер. Нина говорила коротко, без лишних слов, задавала вопросы и записывала ответы. Потом убрала телефон в карман.

— Там временная перемычка, — сказала она. — Ее оставили после прежнего ремонта. Сейчас система ведет себя нестабильно.

— Насколько опасно? — спросила Соня.

— Достаточно, чтобы не пускать туда людей и не пытаться запускать школу на авось.

Лев ударил ладонью по холодным перилам.

— Они знали?

Пётр молчал.

— Пётр, — позвала Соня.

Он провел пальцем по краю планшета.

— В журнале есть отметка. Перемычку должны были убрать еще осенью.

— Кто подписал?

— Подрядчик. А приемку проводила управляющая компания.

— Значит, школа закрыта не только из-за старых стен, — сказал Лев.

Пётр наконец поднял голову.

— Я видел заявку. Ее закрыли как выполненную.

— А ты?

— Я поставил статус, который мне сказали поставить.

— Тебя заставили?

— Мне сказали, что если не поставлю, в следующую смену буду искать работу. Я решил, что это временно.

— Временным бывает дождь, — ответила Нина. — Не ложная отметка о безопасности.

Соня слышала, как наверху хлопнула дверь. За стеной проехала машина, шины заскребли по ледяной каше. В зале могли разместиться люди, но теперь каждый стул означал бы чью-то ответственность. Ее собственную — тоже.

Она поднялась первой.

— Здесь мы никого не оставляем.

Лев пошел следом.

— Тогда где?

— В клубе на Набережной.

— Там маленький зал.

— Зато здание проверено и отопление отдельное.

— Его хватит человек на пятьдесят.

— Значит, разместим пятьдесят. Остальным найдем места по домам, где тепло еще держится.

Нина кивнула.

— Я позвоню в районную службу. Пусть огородят подвал и пришлют бригаду с допуском. Самим туда не лезем.

— А я свяжусь с Уваровой, — сказал Лев.

— Не связывайся, — отрезала Соня. — Напиши ей. Пусть ответит письменно, почему школа не может быть пунктом обогрева и кто отвечал за узел.

Лев взглянул на нее внимательнее, но спорить не стал.

Пётр открыл список адресов.

— У меня есть номера старших по подъездам. Могу обзвонить северный квартал.

— Можешь и должен, — сказала Соня. — Сообщи: пункт будет в клубе, вход со стороны Набережной. Никаких слухов про школу. Людям нужна ясность.

Клуб встретил их запахом старой краски и сухого дерева. В фойе горели две лампы, сторож уже включил отопление и расставил вдоль стены лавки. Соня прошла в зал, посчитала розетки, окна, стулья, место для чайников. Лев принес из машины одеяла. Нина проверила, нет ли сквозняка у запасного выхода, и позвонила в службу, которая могла доставить дополнительные обогреватели с защитой и кабелями.

Татьяна Доброхотова появилась через полчаса. Она держалась за локоть Сони, но шла сама, медленно, с упрямой прямой спиной.

— Меня хотели оставить дома, — сообщила она. — Сказали, я взрослый человек и сама решу.

— Вы решили? — спросила Соня.

— Решила, что взрослым людям иногда требуется стул и горячая вода. Это не преступление.

Она осмотрела зал.

— А школа?

Соня помедлила.

— Пока закрыта. Там обнаружили неисправность. Пускать туда людей нельзя.

— Хорошо, что посмотрели, — сказала Татьяна. — Нехорошо, что раньше никто не посмотрел.

Соня записала ее в первый список, напротив фамилии поставила адрес и отметку: «нужен перенос вещей». Потом прикрепила на стеклянную дверь клуба новый лист:

«ПУНКТ ОБОГРЕВА. ВХОД С НАБЕРЕЖНОЙ. С 22:00».

Ледяной дождь стучал по козырьку, превращая каждую каплю в маленький удар. Внутри уже разогревался чайник, двигались стулья, звонили телефоны. Пётр диктовал кому-то адрес, Нина говорила с аварийной службой, Лев молча придерживал дверь для первых жильцов.

Соня поставила у стены коробку с пледами и распрямилась.

— Разнесем объявление по домам, — сказала она. — И никого не отправлять одного, если скользко.

— Я пойду к Лесной, — сказал Лев.

— Нет. Ты остаешься здесь и встречаешь тех, кто придет.

— Я могу делать два дела.

— Не сегодня. Сегодня каждый делает одно и не бросает его посреди дороги.

Лев хотел возразить, но только кивнул.

За стеклом клубной двери темнела улица, вся в ледяном блеске. В школе оставался гул закрытого подвала, а здесь люди уже снимали мокрые варежки и ставили сумки под лавки. Соня взяла маркер и дописала на листе крупнее: «МЕСТ ХВАТИТ. ВХОДИТЕ».

Первой вошла женщина с мальчиком, потом двое мужчин с дорожными сумками. Лев придержал дверь, Соня указала им на лавки и объяснила, где можно оставить мокрую одежду. Мальчик не выпускал из рук игрушечный автобус; мать попросила кипятка и сразу извинилась, будто занимала чужое место.

— Не извиняйтесь, — сказала Соня. — Вы здесь по делу.

Она попросила Петра продолжать обзвон, но отдельно велела отмечать тех, кому трудно спуститься с верхних этажей. Татьяна уже устроилась у стены и сама вызвалась звонить соседкам. Телефон она держала обеими руками, чтобы не дрожали пальцы.

— Только не говорите им, что я тут командую, — предупредила она. — Иначе решат, что меня надо спасать от самой себя.

Пётр улыбнулся и продиктовал ей первый номер.

Нина вернулась из коридора, застегивая куртку. На рукаве блестели капли.

— Районная служба приняла вызов. Подвал школы огородят, пока не приедут специалисты. Они подтвердили, что знают о перемычке.

Соня подняла голову от списка.

— Кто подтвердил?

— Дежурный. Говорил так, будто я спросила, где у них запасные бахилы. Сказал: «Да, этот узел у нас на контроле». Я попросила зафиксировать звонок и назвать ответственного за выезд.

— Назвал?

— Нет.

Нина не повысила голос, но последнюю фразу произнесла отчетливо. Лев перестал раскладывать одеяла.

— Светлана Уварова ответила? — спросила Соня.

— Пока нет, — сказал он. — Сообщение доставлено.

— Тогда не надо ей звонить. Пусть будет видно, что именно мы спросили и когда.

Соня провела черту под фамилией Доброхотовой и подала Нине список.

— Нужны еще люди на сопровождение. Посчитай, сколько можем отправить к Лесной, не оставляя вход без присмотра.

— Посчитаю, — ответила Нина. — Но сначала дождемся тех обогревателей, которые обещали. Пока их нет, я не хочу, чтобы кто-то тащил сюда самодельные приборы.

Один из мужчин, уже снявший шапку, услышал ее.

— У меня в машине тепловентилятор. Небольшой. Могу принести.

— Не надо, — сказала Нина. — В пункте будут только приборы, которые проверила служба. Здесь важнее, чтобы проходы оставались свободными.

Мужчина помрачнел, но спорить не стал и сел рядом с товарищем. Соня заметила, как он все еще сжимает в ладони ключи от машины.

— Можете помочь донести воду, когда привезут, — сказала она. — Если хотите.

Он кивнул, будто ему вернули возможность быть полезным.

У входа скрипнуло. Пришла женщина из дома на Лесной, с пакетом, в котором звенели чашки.

— Там внизу говорят, школу открывают, — сообщила она. — Люди уже идут туда.

— Нет, — твердо сказала Соня. — Школа закрыта. В ней неисправная система отопления, специалисты должны осмотреть здание. Идите сюда, вход с Набережной. Скажите соседям именно так.

— А если они не поверят?

— Позвоните Петру. Он повторит то же самое. Мы не будем обещать того, чего не знаем.

Женщина посмотрела на лист за стеклом, прочитала надпись и достала телефон.

— Хорошо. Передам.

Лев проводил ее взглядом до ступеней.

— Если школа не откроется сегодня, людям придется идти дальше.

— Поэтому мы и открыли клуб, — сказала Соня. — Не потому, что это удобно. Потому что он сейчас безопаснее.

Он чуть сдвинул стопку пледов, освобождая место у стены.

— Я понимаю.

— Нет, ты понимаешь, что я сказала. Это не одно и то же.

Соня услышала в собственном голосе резкость и устало потерла переносицу. Лев ничего не ответил. Только поставил коробку так, чтобы ее не задевали проходящие.

Телефон Петра звякнул. Он прочитал сообщение и нахмурился.

— Уварова ответила. Пишет: «Ситуация штатная, оснований для тревоги нет. Вопрос о помещении школы будет рассмотрен после стабилизации подачи тепла».

— А о том, кто отвечает за узел? — спросила Нина.

— Ни слова.

Соня попросила Петра переслать ей сообщение. Прочитала, набрала короткий ответ: «Просим указать, кто принял решение не допускать жителей в школу до обследования и на каком основании ранее не сообщалось о неисправности. Ответ необходим письменно». Палец задержался над отправкой.

— Так и оставим, — сказала Нина. — Никаких предположений. Только вопросы, на которые должны ответить.

Соня нажала кнопку.

Вскоре привезли проверенные обогреватели. Нина вместе со сторожем распределила их по залу, оставив свободный проход к выходу. Она проверила комплект документов и предупредила, что включать приборы будут по очереди, под наблюдением дежурных. Соня назначила смены: Пётр продолжит обзвон, мужчина с ключами и еще один волонтер встретят машину с водой, Лев останется у двери.

— А ты? — спросил он.

— Позвоню тем, кому нужна помощь с лестницами.

— Потом сядешь хоть на десять минут?

— Когда закончу список.

— Это не ответ.

— Это единственный, который у меня сейчас есть.

Лев отвернулся к двери, не сердясь — или не показывая, что сердится. Соня набрала следующий номер. На том конце долго не брали трубку; потом раздался шорох и негромкий голос пожилой женщины:

— Да не кладите вы трубку, слышу я. Скажите, кто идет и когда.

Соня вписала новый адрес. В клубе становилось теснее, но никто не толкался. Люди сами сдвигали лавки, уступали места, передавали друг другу чашки. Снаружи ледяной дождь шел ровно, будто у него не было ни начала, ни конца.

К одиннадцати Пётр обзвонил старших по подъездам. В каждом разговоре он повторял адрес клуба, время работы и просьбу не направлять людей к школе. Соня следила, чтобы рядом с адресом отмечали, кому требуется сопровождение. Нина оставалась на связи с районной службой и записывала фамилии дежурных, которые принимали звонки.

Когда в коридоре снова открылась дверь, Соня подняла голову, ожидая новых жильцов. На пороге стоял посыльный с распечатанным уведомлением от управляющей компании. Он протянул лист Нине.

Она быстро прочла его и передала Соне.

«Помещение бывшей школы не включено в перечень мест временного размещения».

Ни подписи, ни пояснения. Только печать.

Соня положила бумагу на стол рядом с сообщением Уваровой.

— Значит, пусть районная служба ответит, кто обследует подвал, — сказала она. — А мы никого туда не ведем.

— Уже ответили: бригада выехала, — сказала Нина. — Но внутрь до ее заключения не заходить. Я повторила это дежурному.

Соня кивнула и снова взяла список. В зале кто-то попросил добавить стул. Лев молча принес его от стены. Татьяна передала Соне чашку теплой воды, которую успела попросить для себя и для той самой соседки, до которой дозвонилась.

— Пейте, — велела она. — Вы всем раздаете распоряжения, а сами забываете про простые вещи.

Соня взяла чашку.

За дверью клуб собирал людей по одному, по двое, иногда сразу целой семьей. На листе у входа слова «МЕСТ ХВАТИТ» размокли по краям, но крупные буквы держались. Соня допила воду и вернулась к списку, не переставая прислушиваться к телефону.

Телефон завибрировал прежде, чем Соня успела поставить чашку на стол.

— Бригада у школы, — сказала Нина, выслушав короткое сообщение. — Осмотр снаружи закончен. В подвал идут только специалисты. Нам туда нельзя.

Лев уже застегивал куртку.

— Я встречу их у ворот.

— Встретишь, — согласилась Нина. — Но внутрь не полезешь, даже если кто-то предложит посмотреть.

— Я понял.

Он произнес это слишком быстро. Соня заметила, как он проверяет карманы, словно там мог найтись повод задержаться, и подвинула ему список дежурств.

— Возьми это. У ворот записывай, кто прибыл и от кого. Никаких обещаний от нашего имени.

Лев посмотрел на нее, потом на лист.

— Хорошо.

— И позвони, если понадобятся люди. Не решай за меня, что я справлюсь одна.

Он задержал взгляд на ее лице, будто собирался возразить, но только кивнул и вышел.

Нина осталась у телефона районной службы. Из трубки доносились голоса, треск связи и обрывки адресов. Она записывала фамилии и время, аккуратно отделяя то, что ей подтвердили, от того, что пока пересказывали.

Пётр подошел к Соне с двумя исписанными листами.

— На Лесной три человека еще не ответили. В одном подъезде лифт встал, там женщина с ходунками на четвертом. Сосед готов спуститься к ней, но один не справится.

— Имя?

— Громова. Соседа зовут Ким. Я уже сообщил в службу сопровождения.

— Хорошо. Позвони ему, скажи, чтобы ждал спасателей и не пытался переносить ее сам.

Пётр взял телефон. На его лице проступила усталость, но голос, когда он заговорил, был собранным.

Из школы позвонили через десять минут. Нина включила громкую связь, чтобы Соня слышала.

— В подвале обнаружена перемычка, — сообщил мужчина, представившийся старшим смены. — Состояние узла опасное. Теплоноситель через него подается нештатно. Здание к размещению людей не допускается до отдельного обследования и заключения.

— Риск для соседних домов есть? — спросила Нина.

— Сейчас оцениваем. Работы выполняет специализированная бригада. Посторонних к оборудованию не подпускаем.

Нина уточнила номер заявки и фамилию ответственного. Не перебивала, пока он называл детали, потом повторила вслух, проверяя запись.

Соня посмотрела на мокрое уведомление управляющей компании. Печать расплылась по краю, но текст оставался читаемым.

— Вы знали про эту неисправность? — спросила она, когда диспетчер закончил.

На другом конце помолчали.

— В журнале есть обращения по температуре в школе, — ответил мужчина. — Остальное будет выяснять проверка.

— У нас есть сообщение Уваровой, что ситуация штатная, — сказала Соня. — И отдельный отказ включать школу в перечень пунктов размещения.

— Передайте оба документа районной службе.

Нина положила трубку.

— Вот и передадим. Но только копии, с отметкой о принятии.

Пётр опустил глаза на собственные записи. Соня не спросила, что он думает. Он сам поднял голову:

— Я знал, что школу отключали раньше. Мне говорили не вносить это в сводку. Я боялся, что крайним сделают меня.

— А теперь?

— Теперь внесу. С датами, какие помню. И подпишу, что это мои сведения, а не акт осмотра.

Нина внимательно посмотрела на него.

— Так и надо. Не делай выводов за специалистов. Но ничего не убирай.

Соня взяла чистый лист и записала: «Школа закрыта для размещения. Ожидается официальное заключение. Все просьбы о помощи направлять в клуб». Ни слова о том, что ремонт почти закончен или что опасность преувеличена. Людям требовалось знать, куда идти, а не гадать, кто прав.

Лев вернулся, стряхивая с рукавов мелкий лед.

— Специалисты подтвердили. У ворот уже собрались двое жильцов, хотели попасть внутрь. Я объяснил, что школа закрыта. Один сказал, что клуб далеко.

— Откуда он?

— С верхней Лесной. Там скользко, идти с палкой тяжело.

Татьяна, сидевшая у стены в пальто, подвинула чашку к соседке и поднялась.

— Тогда не надо объяснять ему, что клуб ближе, чем кажется. Надо узнать, кто его довезет.

— Вы сами едва спустились, — сказал Лев.

— Я спустилась. Это разные вещи.

Соня открыла список адресов.

— Сколько мест у нас осталось?

Нина прикинула свободные стулья и лавки.

— Для сидящих еще есть. Для тех, кому нужно лечь, три места. Больше без ущерба проходу не устроим.

— В соседнем кабинете можно убрать столы, — предложил Пётр. — Там нет обогревателя.

— Проверим, можно ли использовать комнату, не загромождая выход, — сказала Нина. — Но самовольно включать ничего не будем.

Татьяна уже звонила соседке с верхней Лесной. Та ответила не сразу. Татьяна говорила твердо, без ласковых уговоров:

— Не собирайте вещи. Возьмите лекарства и телефон. За вами приедут. Нет, не надо спускаться одной. Я сказала — приедут.

Соня поручила Льву встретить машину районной службы у поворота, а Петру — повторно предупредить те подъезды, откуда людей ещё направляли к школе, что вход туда запрещён. Нина пошла проверить соседний кабинет вместе с дежурным клуба. Соня наконец поставила чашку на стол, но телефон все еще держала в руке.

Когда Пётр закончил повторный обзвон, он принёс распечатку уведомления Уваровой и положил рядом с сообщением диспетчерской.

— Она написала, что участок сети исправен, — сказал он. — За час до того, как там нашли перемычку.

Соня прочла время внизу страницы.

— Сохрани оригинал. И отправь копию районной службе вместе с номером заявки.

— Отправлю.

Он не оправдывался и не просил облегчить ему признание. Соня отметила это про себя, но не стала превращать в обещание, будто теперь все решится.

С улицы донесся короткий сигнал машины. Лев распахнул дверь, удерживая ее плечом, чтобы порыв ветра не ударил по людям в коридоре. В клуб вошли две соседки, каждая с небольшим узлом вещей.

— Вот, — сказала Татьяна, встречая их у прохода. — Тут хоть можно сесть, не боясь, что пол провалится.

Никто не засмеялся. Лев проводил прибывших к свободным местам, а Соня вписала их фамилии, отметила лекарства и необходимость сопровождения утром. На улице дождь стучал по козырьку, накапливая ледяную корку. В школе работала бригада, но ни одного человека туда не повели.

Соня перевернула лист с крупной надписью «МЕСТ ЕЩЁ ЕСТЬ» чистой стороной вверх и дописала адрес клуба покрупнее. Потом передала его Петру.

— Поставь у перекрестка. И оставайся там не один.

— Понял.

Лев задержался рядом.

— Ты будешь звонить тем, кто не ответил?

— Да. После того как пересчитаем места.

— Тогда я возьму на себя перекресток.

— Хорошо. Но если изменится что-то по школе, сначала звони Нине.

— Договорились.

Он не добавил, что все сделает сам. Соня не стала благодарить его за это. Она снова открыла список, а Лев вышел в ледяной дождь встречать районную машину.

Соня позвонила по первому адресу. Никто не ответил. По второму трубку сняли после шестого гудка; мужчина сказал, что они с женой уже оделись и ждут у подъезда, но лифт не работает.

— Не спускайтесь, — сказала Соня. — За вами поднимутся сотрудники районной службы.

Она записала адрес на полях списка. В клубе стало тесно от мокрых курток и принесенных одеял, но проход к двери оставался свободным. Дежурный клуба освободил соседнюю комнату: убрал столы, проверил выход и вместе с Ниной убедился, что там можно разместить еще четырех человек. Обогревателей не включали. Тепло держалось от штатной системы здания, которую клуб заранее проверил.

Пётр вернулся с перекрестка, весь в мелких ледяных крупинках. Табличку он поставил под козырьком магазина, а рядом оставил человека из районной службы.

— У дома на Лесной спрашивают, можно ли идти в школу, — сказал он. — Я ответил, что нельзя. Некоторые сердятся.

— Пусть сердятся на нас здесь, а не окажутся в опасном здании, — отозвалась Нина. — Мы осмотр закончим не раньше, чем получим заключение.

Телефон Сони коротко завибрировал. Лев сообщал, что районная машина подъехала, первые жильцы на борту. Она отметила время, затем подняла голову: Татьяна уже устроилась на стуле у стены и спорила с соседкой, которая хотела отдать ей свою подушку.

— Мне не нужна подушка, — отрезала Татьяна. — Мне нужен чай и чтобы вы не ходили вокруг меня на цыпочках.

Соня поставила перед ней кружку.

— Чай есть. Цыпочки отменяются.

— Вот и ладно.

На другом конце зала Нина говорила с бригадиром по телефону. Осмотр школы выявил неисправность на участке, который нельзя было безопасно оставить под нагрузкой. Никаких работ силами волонтёров. Никакого временного запуска ради одной ночи. Профессиональная бригада изолировала опасную часть системы, а доступ в подвал закрыли до полного обследования.

Утром ледяной дождь ослаб, сменившись мокрым снегом. В клуб приехали еще две машины. Соня распределяла людей по комнатам, сверяла лекарства и отмечала, кому понадобится сопровождение. Список перестал помещаться на одном листе. Пётр распечатал новый и сам предложил прикрепить к нему отметки о времени звонков.

— Чтобы потом не перепутать, кому сообщили и когда, — пояснил он.

Уварова появилась ближе к полудню. Сняла перчатки, положила на стол папку и заговорила ровно, будто пришла на плановую встречу.

— Управляющая компания направила уведомление, что аварийный участок не затрагивает дома квартала. Если сейчас пойдёт информация о незаконных отключениях, люди начнут паниковать.

Пётр смотрел на неё, не двигаясь.

Соня не стала отвечать за него.

— Ваша формулировка уже разослана, — сказал он. — За час до отключений. А диспетчерская заявка и запись о перемычке переданы районной службе.

— Ты не понимаешь, что подписывал, — сказала Уварова.

— Понимаю достаточно, чтобы приложить собственное объяснение. Я скрывал отключения, потому что боялся потерять работу. Но участок исправным не называл.

Уварова сжала край папки.

— Это вы решите не здесь, — сказала Нина. — Сейчас мы обсуждаем размещение людей и состояние сети. Материалы проверки уже зарегистрированы.

В тот же день районная комиссия приняла акты осмотра школы и аварийных отключений. Нина передала свои замечания к обследованию, не смягчая выводов. В папке Уваровой нашли копии соглашений, которыми жильцов будто бы уведомили о переселении и отказе от части помещений. Подписи не совпадали с данными в домовых журналах; несколько жителей заявили, что таких документов не видели. Материалы отправили на официальную проверку. Назначили открытое заседание, куда пригласили жильцов, коммунальщиков и подрядчика.

Соня не пыталась назвать это победой. Женщинам на раскладных кроватях нужно было поспать, Татьяне — попасть на повторный осмотр, а домам — пережить ещё одну ночь без отопления. Она вместе с Левом проверила, что машины на утро заказаны, и передала районной службе адреса тех, кто не мог добраться самостоятельно.

Лев вернулся в клуб с двумя стопками бланков.

— Я отметил, где нужен подъём на этаж. Проверь, не перепутал ли квартиры.

Соня просмотрела список.

— Здесь верно. А по школе?

— Нина говорит, обследование завершат сегодня. Но открывать её до заключения нельзя.

— Значит, не откроем.

— Я и не предлагал.

Он подождал, не подхватит ли она его слова чем-нибудь примирительным. Соня закрыла папку.

— Когда закончится эта смена, я хочу увидеться с тобой не по аварийной заявке.

— Я тоже. Но без того, чтобы один из нас решал за двоих, что другому сейчас полезнее.

— Договорились, — сказала она. — Встретимся. Решать будем вместе.

В клубе тем временем расставляли раскладушки. Список прибывших не был закрыт: несколько адресов ещё не отвечали, и Соня оставила свободные строки для тех, кому требовалась помощь ночью. Специалисты продолжали обследование школы, а решение об открытии её помещений оставалось за городской службой. Лев принёс ещё воды; Соня приняла бутылку и вернулась к телефону. До окончания аварии было далеко, но теперь у людей появился безопасный адрес, куда можно прийти без приглашения.

Глава 2. Тридцать шесть фамилий

Соня вырвала из папки чистый лист и прикрепила его к дверце пустого шкафа.

— Транспорт, — сказала она, обводя слово маркером. — Кто добирается сам, тот не записывается. Нам нужны только те, кому нужна машина.

В клубной комнате стало тише. Люди сидели на складных стульях, на подоконниках, на краю сцены. Мокрые куртки темнели на спинках, от батарей тянуло слабым, почти символическим теплом. На полу у входа блестели следы растаявшего льда.

— А если человек не умеет писать? — спросила Татьяна Доброхотова.

Она стояла, держась за спинку стула, и сердито смотрела на лист, будто тот нарочно усложнял ей жизнь.

— Тогда говорит, — ответила Соня. — Я запишу.

— А если человек не знает, нужна ему машина или нет? У него давление, сумка, кошка...

— Кошку тоже учитываем, — сказал Лев, ставя у стены два термоса. — Только честно. Не «может быть, пригодится», а что именно мешает добраться.

— Вам легко рассуждать, — отрезала Татьяна. — У вас ноги есть.

— Есть, — согласился Лев. — Поэтому я сам схожу к тем, кто не может прийти.

Он сказал это без вызова, но Соня сразу повернула голову.

— Не один.

— Я не собирался...

— Собирался. И не надо.

Татьяна усмехнулась.

— Вот теперь понятно, кто у вас главный.

— Никто, — сказала Соня. — Мы распределяем работу.

Она положила рядом с листом три ручки. Первой подошла женщина с третьего этажа соседнего дома и назвала адрес, номер квартиры, фамилию. За ней мужчина в шерстяной шапке записал мать после инсульта. Он долго уточнял, сможет ли та спуститься по лестнице, потом признался, что не сможет.

Соня задавала одинаковые вопросы, но ответы каждый раз требовали другого решения: кому нужен автомобиль с низкой посадкой, кому — два человека, чтобы вынести вещи, кому — сопровождающий, который не испугается медленного темпа. Никто не приносил ей чужих тайн. Люди сами называли то, что позволяли назвать, и Соня не спрашивала больше.

Пётр Макаров вошел с улицы, отряхивая лед с капюшона. На его ресницах еще держались прозрачные крупинки.

— Я принес ведомость, — сказал он.

— Какую?

Он протянул тонкую папку. Листы внутри были распечатаны заранее, с серыми полосами по краям и выцветшим логотипом диспетчерской службы.

— Адреса тех, кому обычно требуется транспорт при аварийных отключениях. Это база по району.

Соня пробежала глазами первый десяток строк.

— Здесь Рябова Мария Петровна.

— Да.

— Она переехала летом.

Пётр опустил взгляд.

— Возможно, еще не обновили.

— Здесь квартира сорок два, дом на Кленовой.

— Там теперь ремонт.

— А в квартире сорок один указана семья из четырех человек. Я только что разговаривала с соседкой: там живет один мужчина, и он уехал к сыну.

Пётр сжал папку так, что картон хрустнул.

— Это старая база.

— Насколько старая?

— Не знаю.

— Петр.

Он посмотрел на нее, и в лице у него появилось то выражение, которое Соня уже видела утром: готовность оправдываться прежде, чем его обвинили.

— Ее выгрузили из общей системы. Мы должны были сверить перед сменой, но...

— Но не сверили, — закончила Соня.

— Диспетчерская была забита звонками. Потом пошли распоряжения по отключениям. Я думал, что проверю позже.

Лев взял ведомость, пролистал ее до последней страницы.

— Тут есть люди, которых нет в доме уже два года.

— Я знаю, — тихо сказал Пётр.

Татьяна подняла палец.

— А меня, между прочим, нет.

Пётр вздрогнул.

— В каком смысле?

— В прямом. Фамилия Доброхотова, дом на Лесной, квартира двадцать семь. Я там живу тридцать девять лет. В вашей бумаге меня нет.

Лев раскрыл папку перед Петром. Тот пробежал глазами строки.

— Должны быть.

— Не должна я никому ничего, — сказала Татьяна. — Это вы должны знать, кто живет в доме, если собираетесь за нами транспорт присылать.

Пётр покраснел до ушей.

Соня забрала у Льва ведомость и положила ее под стопку пустых листов.

— Убираем это.

— Но без нее диспетчерская не сможет...

— Сможет. Мы позвоним жильцам и спросим.

— Всем тридцати шести? — Пётр посмотрел на лист, где уже появились первые фамилии. — Это долго.

— Долго — это отправить машину не туда, — сказал Лев. — Или не отправить к человеку, который ждет у подъезда.

Нина Арсеньева вошла, не снимая тяжелых перчаток. На рукаве ее куртки белела изморозь.

— Внизу никого не будет, — сказала она. — Я попросила не пускать людей к подвалу. Там сейчас работают специалисты, и им не нужны любопытные под ногами.

— С теплом что? — спросил Пётр.

Нина взглянула на Соню, затем на остальных.

— Система нестабильна. Я не обещаю, что школа будет теплой ночью. Сейчас безопаснее исходить из того, что не будет.

В дверях появилась Светлана Уварова. На ней было светлое пальто, слишком тонкое для такой погоды, и красный шарф, завязанный без единой складки. Она услышала последние слова и улыбнулась людям, будто входила на заранее подготовленное собрание.

— Не стоит нагнетать, Нина Сергеевна, — сказала она. — К утру тепло будет.

Нина сняла перчатку, палец за пальцем.

— На чем основана эта оценка?

— На том, что аварийная бригада занимается вопросом.

— Это не основание.

— Вы же понимаете, что людям нужно сказать хоть что-то обнадеживающее.

— Людям нужно знать, где они проведут ночь, — ответила Нина. — Обнадеживать можно после проверки.

Уварова улыбку не убрала.

— Я лично проконтролирую.

— Вы лично осматривали подвал? — спросил Лев.

— Я руководитель управляющей компании, а не слесарь.

— Тогда не называйте срок, которого никто не подтвердил.

В комнате зашуршала одежда. Кто-то поставил на пол кружку, и чай плеснул через край.

Соня взяла новый лист.

— Тридцать шесть фамилий, — сказала она. — Не больше и не меньше, пока люди сами не назовут себя. Петр, вы звоните по домам вместе со мной. Не по ведомости. По подъездам, по объявлениям, через соседей. Ответы фиксируем сразу: адрес, кто едет, какая помощь нужна.

— А если не ответят?

— Оставляем номер школы и возвращаемся к ним позже.

— Я могу взять старую базу для сверки, — сказал Пётр.

— Для сверки — да. Не для решения.

Он кивнул и сел рядом с ней. Лев принес второй стул, но Татьяна заняла его раньше.

— Мне нужен транспорт, — заявила она. — И место для сумки. Сумка тяжелая, хотя там ничего ценного.

— Что в ней? — спросил Лев.

— Лекарства, документы, два свитера и банка варенья.

— Банку оставьте дома.

— Дома холодно.

Никто не нашелся, что возразить. Соня записала фамилию, адрес и рядом крупно вывела: «забрать у подъезда, сопровождение».

Уварова отошла к стенду с детскими рисунками. Телефон в ее руке загорался и гас, загорался и гас. Она смотрела на список, где люди появлялись не строками ведомости, а голосами, просьбами, неловкими уточнениями.

— К утру, — повторила она, уже тише. — Я сказала: к утру все будет.

Нина повернулась к ней.

— Тогда принесите утром подтверждение от бригады. А пока мы размещаем людей так, будто тепла не будет.

Соня подвинула к Петру чистую страницу.

— Первый звонок — дом на Лесной. Начинайте с квартиры двадцать семь.

Пётр набрал номер, и в комнате зазвучали длинные гудки. Татьяна подалась вперед, крепче стиснув ручку стула. Лев проверил список машин, а Нина снова надела перчатку.

На тридцать шестой строке пока стоял пробел. Его никто не торопился заполнять чужим именем.

— Алло? — спросил женский голос после седьмого гудка.

Пётр прикрыл ладонью микрофон.

— Квартира двадцать семь. Представиться?

Соня быстро написала на листе: «дом 18, Лесная, кв. 27».

— Добрый вечер, — сказал Пётр. — Это из школы. Мы собираем список тех, кому нужен транспорт в пункт обогрева. Вы слышали объявление?

— Слышала. Нам не надо.

— В квартире кто-то есть?

— Мы сами дойдем.

Он посмотрел на Соню. Та кивнула, но не стала вычеркивать адрес.

— Хорошо. Если изменится…

— У нас соседка, — перебил голос. — Татьяна Павловна, из тридцать первой. Она после операции, одна не спустится. Вы ее записали?

Пётр выпрямился.

— Нет. Сейчас запишем.

Соня подвинула к нему лист.

— Фамилия?

Женщина назвала ее, потом уточнила этаж, номер телефона и добавила, что у Татьяны Павловны костыль, но лестница в подъезде скользкая. Пётр повторил все сведения, чтобы не ошибиться.

Когда разговор закончился, он несколько секунд держал палец над экраном.

— В старой базе квартира тридцать один числится пустой, — сказал он.

— А там живет человек, — ответила Соня.

— Я понял.

— Нет, Пётр. Пока не понял. В базе она пустая, а в подъезде есть женщина после операции. Для машины важна женщина, не строка.

Он коротко кивнул и позвонил по переданному номеру. Татьяна Павловна ответила сама и попросила помочь ей добраться до пункта обогрева. Только после этого Соня внесла её в список.

Следующий звонок принесли не телефоны, а стук в дверь. В клуб вошел Лев, стряхивая с плеч мелкие ледяные крупинки. Под курткой он держал папку с листами, которые размокли по углам.

— На перекрестке люди уже спрашивают, — сказал он. — Двое дошли сами, одну семью отправил сюда. Машины будут через сорок минут, но водители не хотят подниматься по дворам. Там лед.

— Пусть не поднимаются без указания, — сказала Нина. — Машины ставим на расчищенных участках. Дальше сопровождают волонтеры.

— Я могу…

— Ты проверяешь маршрут, — перебила Соня. — Не таскаешь людей в одиночку.

Лев посмотрел на нее, потом на список.

— У нас есть кому сопровождать?

— Сейчас будет понятно.

Она повернулась к залу.

— Кто живет на Лесной, восемнадцать? Нужен человек, который встретит машину и поможет подняться на этаж. Только тот, кто действительно там живет или регулярно бывает у соседей.

Поднялась рука мужчины в мокром свитере.

— Я из двадцать второй. У меня ноги нормальные. Но Татьяну Павловну знаю.

— Фамилия?

Он назвал себя. Соня записала и добавила его номер.

— Сможете встретить, если машина придет после десяти?

— Смогу. Только предупредите заранее, а то телефон у меня садится.

Пётр протянул ему зарядное устройство.

— Возьмите. В школе есть розетка у стойки.

Мужчина поблагодарил, но не улыбнулся. Было видно, что он заранее считает, сколько еще часов выдержит его квартира.

Пётр набрал следующий номер. На этот раз ответили сразу.

— Седьмой подъезд, двадцать девять, — представился он. — Уточняем, кому нужен транспорт.

— Нам не нужен, — сказала пожилая женщина. — У нас сын на машине.

— Хорошо. Есть ли в подъезде люди, которым может понадобиться помощь?

Женщина замолчала.

— На первом этаже живет Вера с мальчиком, — произнесла она наконец. — Мальчик маленький, у него температура. Они, кажется, собирались к сестре, но лифт не работает.

Соня подняла голову.

— Спросите, знают ли они про пункт. И можно ли передать им номер школы.

Пётр включил громкую связь.

— Вера сейчас рядом?

— Сейчас позову.

В трубке послышались шаги, кашель, приглушенный разговор. Потом женский голос, молодой и усталый, назвал адрес. Ребенок действительно был с температурой, но мать не хотела покидать квартиру, пока не выяснит, кто присмотрит за пожилой соседкой сверху.

— У нас машина одна, — сказала Вера. — Сначала ее вывезем. Потом нас.

— Не решайте порядок в одиночку, — сказала Соня, наклонившись к телефону. — Запишите: вы, ребенок и соседка. Сейчас уточним, как посадить всех безопасно. Медицинскую помощь вызываете отдельно, если температура растет или состояние меняется.

Она отключилась и передала Пете адрес.

— Это тридцать пятая фамилия?

— Тридцать пятая подтвержденная, — ответил он.

— Не фамилия, а люди, — поправила Нина. — Не потеряйте это различие.

Уварова оттолкнулась от стены.

— Я понимаю вашу заботу, но нельзя превращать обычную работу в чрезвычайное положение. У нас есть утвержденный список жильцов. По нему видно, что в этих домах зарегистрировано гораздо меньше нуждающихся.

— Зарегистрировано, — сказал Лев. — А живет больше.

— Регистрация все-таки что-то значит.

— Для отчета, — ответила Соня. — Для эвакуации значит тот, кто сейчас не может выйти сам.

Уварова сжала телефон.

— Я не позволю создавать панику на основании разговоров с соседями.

— Тогда сами обзвоните дома, — предложила Соня. — Пройдите по подъездам, поговорите с людьми. После этого решим, что паника, а что нет.

Светлое пальто Уваровой заметно качнулось, когда она повернулась к двери.

— У меня есть дела в диспетчерской.

— У вас есть данные, которыми вы сейчас прикрываетесь, — сказал Пётр. Голос у него дрогнул, но он не отступил. — Я сегодня сверял ведомость. Там половина телефонов не отвечает, несколько номеров принадлежат прежним жильцам, а по двум квартирам вообще указаны люди, которые умерли. Я пытался обновить, но мне сказали не трогать базу до конца месяца.

В комнате стало тесно от тишины.

Уварова медленно посмотрела на него.

— Кто сказал?

Пётр опустил глаза.

— Это неважно.

— Важно, — произнесла Нина. — Но разберемся не здесь. Сейчас он делает нужную работу.

— Вы подставляете компанию, — сказала Уварова.

— Компания уже подставилась, — ответила Нина. — Устаревшей ведомостью.

Татьяна Доброхотова до этого молчала, держась за стул. Теперь она выпрямилась.

— Светлана Викторовна, я тридцать девять лет живу в этом доме. Если вам нужна моя подпись, вы находите меня за десять минут. А когда мне нужна машина, я почему-то исчезаю из ваших бумаг.

Уварова открыла рот, но Татьяна не дала ей вставить слово.

— Не обещайте мне тепло к утру. Назовите, где я буду спать сегодня.

Уварова посмотрела на нее с выражением, в котором раздражение смешалось с усталостью.

— В пункте обогрева, если там подтвердят свободное место. Я сейчас уточню адрес и условия, — сказала Уварова.

— Вот это уже похоже на ответ, — сказала Татьяна.

Соня проверила сделанную ранее запись о Татьяне и добавила рядом: «место уточнить, сопровождение обязательно».

— Вы уже в списке. Машину отправим только после вашего согласия.

Тридцать шестая строка пока оставалась пустой: до человека, которому её отвели, ещё не дозвонились.

Пётр продолжал звонить. Некоторые просили не включать их в список: «сын подъедет», «сосед поможет», «мы пока потерпим». Другие, наоборот, сначала отказывались, а потом тихо добавляли, что на пятом этаже живет человек, который не выходит из квартиры без ходунков. Соня не записывала сведения со слухов, но просила передать соседям номер школы и возвращалась к ним через десять минут.

Лев распределил маршруты на отдельном листе. Он не писал «забрать всех», а отмечал подъезды, где нужно было встретить людей, и места, куда машине нельзя заезжать из-за наледи. Нина связалась с аварийной службой и потребовала не обещаний, а времени прибытия бригады и подтверждения, что обследование начнется с безопасного отключения опасного участка.

— Мне снова говорят: «работаем», — сказала она, убирая телефон. — Время не называют.

— Уварова называет, — заметил Лев.

— Уварова говорит то, что должно успокоить зал. Тепло от этого не появляется.

Светлана стояла у двери, не снимая шарфа.

— Я сказала, что тепло будет к утру, — произнесла она. — И не собираюсь отказываться от своих слов.

Нина взглянула на нее без злости, почти устало.

— Слова можно оставить в журнале обращений. Людей размещаем по фактической температуре.

С улицы донесся короткий гудок. Первый автомобиль подъехал к школе, но не к входу: водитель остановился у расчищенного края площади. Лев взял список маршрутов.

— Кто едет первым?

Соня посмотрела на Татьяну, на фамилии, записанные неровными буквами, на Петра, который уже набирал новый номер.

— Те, кто не может ждать, — сказала она. — Остальным объясним, сколько придется.

Она застегнула папку, но не убрала ее далеко. Рядом с тридцать шестой строкой написала адрес пункта обогрева и добавила: «проверять лично при посадке».

Лев подхватил папку, но Соня удержала ее за край.

— Сначала сверим адреса. Не по ведомости — по звонкам.

— Я помню, — сказал он. — Ты уже объясняла.

— Тогда не обижайся, что повторяю.

Он отпустил папку. Соня раскрыла ее на колене и назвала первый адрес. Пётр нашел его в старой таблице на телефоне. Напротив квартиры стояла отметка: «отказ от помощи». Ниже был указан номер, который уже не обслуживался.

— Это кто поставил? — спросила Соня.

Пётр пролистал записи.

— Я. Мне сказали, что жильцы сами справятся. Я не проверил.

Он произнес это без оправданий, и оттого в комнате стало неловко. Несколько человек отвели глаза. Татьяна, не отпуская спинку стула, сказала:

— Значит, теперь проверим.

Пётр нажал на новый номер, который продиктовала соседка из того же подъезда. Соня слышала в трубке только обрывки: «машина будет… нет, не отопление… да, у школы…». Потом он прикрыл микрофон ладонью.

— Там двое. Один ходит с ходунками, второй останется с ним. Им нужен низкий порог и место для складного кресла.

— Запиши только то, что нужно для поездки, — сказала Соня. — Не спрашивай, почему они не уехали раньше.

Пётр кивнул и внес адрес на лист маршрутов. В ведомости рядом с фамилиями оставались старые телефоны, неактуальные отметки и пустые строки, будто люди обязаны были неизменно жить и болеть одним и тем же способом.

Уварова сняла перчатки, но шарф оставила на шее.

— Мы передадим диспетчерской исправления. Сейчас важнее не устраивать разбирательство.

— Именно поэтому мы и сверяем, — ответила Соня. — Чтобы машина не поехала за теми, кто уже уехал, и не пропустила тех, кто остался.

— Вы не можете каждый раз обзванивать весь квартал.

— Не можем. Поэтому просим соседей сообщать только о тех, кому нужна помощь. Без диагнозов, без подробностей. Адрес и способ связаться.

Татьяна коротко постучала пальцем по спинке стула.

— И не надо записывать меня как «лежачую». Я сама спущусь, если ступени не будут катком.

— Записали, — сказал Пётр. — Нужна поддержка на лестнице.

— Вот это верно.

Соня перевернула лист. На обороте свободного места не было; фамилии занимали весь разворот, некоторые приходилось вписывать между строк. Тридцать шесть не означало, что

список закрыт. Оно означало, что теперь нужно найти тридцать шесть способов не потерять человека по дороге.

Телефон Нины коротко звякнул. Она прочитала сообщение и убрала его в карман.

— Бригада будет. Но они пока не дали времени, когда можно будет говорить о восстановлении подачи. Сначала осмотр и изоляция участка. В школу никого к подвалу не пускать.

— Я и не собиралась, — сказала Соня.

— Знаю. Это не тебе.

Уварова снова взяла телефон.

— До утра должны управиться. Я уже сказала жильцам, что тепло будет.

— На каком основании? — спросила Нина.

— На основании того, что люди не могут сидеть в холоде и ждать ваших формулировок.

— Формулировки не греют, — сказала Татьяна. — Но ложное обещание тоже.

Уварова сжала губы. Ее уверенность держалась на нескольких словах, повторенных достаточно громко, чтобы они успели разойтись по подъездам. За ними не было ни графика, ни подтверждения бригады. Соня видела, как женщина на сцене поправляет мокрый рукав и делает вид, что не слушает.

— Если кто-то рассчитывает остаться дома до утра из-за этих слов, — сказала Соня, — нужно перезвонить. Не пугать, а объяснить: время неизвестно, пункт открыт, транспорт есть.

— Вы хотите, чтобы я сама признала, что ничего не знаю?

— Я хочу, чтобы жильцы знали, на что могут рассчитывать.

Уварова посмотрела на телефоны в руках людей. Пётр уже набирал следующий номер. Несколько соседей записывали адрес школы на обороте чеков. Татьяна попросила маркер и сама вывела рядом со своей фамилией: «спущусь с помощью». Буквы вышли крупными, с нажимом.

— Хорошо, — сказала Уварова наконец. — Я позвоню тем, кому обещала утро.

Она не извинилась и не попросила никого ждать. Просто отошла к стене, где связь ловила лучше, и начала говорить тише.

Первую машину направили не к подъезду, а к расчищенному краю площади. Лев проверил, свободен ли проход, и вернулся с водителем. Тот подтвердил, что сможет сделать два рейса, но не по узкой улице: там ледяная корка не позволяла безопасно развернуться.

— Значит, встречаем у перекрестка, — решил Лев. — По одному адресу за раз. Не собирайте людей у дороги.

Соня отметила это на маршруте. Пётр вслух повторил адреса и номера квартир, а потом позвонил жильцам еще раз, чтобы подтвердить, что они услышали время и место. Два человека отказались ехать. Один сказал, что сосед останется с ним; другой попросил вернуться через час, когда дочь доберется из соседнего района.

— Не записывай отказ как окончательный, — сказала Соня. — Поставь время повторного звонка.

Пётр исправил отметку. На экране рядом с фамилией теперь стояло не «отказ», а «перезвонить в двадцать три десять».

В комнату вошла женщина с мокрым капюшоном и назвала адрес матери. Соня не стала добавлять фамилию со слов. Попросила передать матери телефон и дождалась ее собственного ответа. Та говорила медленно, но твердо: ехать согласна, если сумку не придется нести самой. Лев добавил в маршрут короткую пометку: «сумка, помощь при посадке».

— Вот так и надо, — сказала Татьяна, наблюдая за ним. — Не решать за человека, чего он хочет, а спросить.

Лев поднял голову.

— Принято.

— Я не тебе замечание делала.

— А я не спорил.

У двери водитель подал сигнал. Соня передала ему маршрут и проговорила порядок остановок. Первой ехала пара, для которой уже подтвердили место в обогреваемом помещении. Татьяна оставалась в школе: ступени покрылись наледью, и Нина не позволила рисковать до тех пор, пока не появится человек, способный сопровождать ее спуск.

— Не стойте над душой, — сказала Татьяна Соне. — Я никуда не денусь.

— Я знаю. Я буду здесь.

— Вот это уже не обещание про тепло, — сказала Татьяна. — Это можно проверить.

С улицы донёсся звук мотора: первая машина отъехала от расчищенного края площади. Соня посмотрела на лист, где фамилии перемешались с пометками о звонках, лестницах и посадке. Ведомость не стала правдивой оттого, что ее поправили. Но возле каждой строки теперь был кто-то, кому предстояло позвонить, дождаться ответа или встретить человека у подъезда.

Пётр снова поднял телефон.

— Следующий адрес.

— Квартира сорок два, Лесная, девять, — сказала Соня.

Пётр набрал номер, подождал и покачал головой.

— Не отвечает.

— В списке диспетчера кто?

Он провёл пальцем по экрану.

— Семья Климовых. Двое взрослых, ребёнок. Подтверждено, что остаются дома.

Соня посмотрела на лист у шкафа. Фамилия Климовых там стояла с вопросительным знаком: при первом обходе никто не открыл. Она попросила Петра прочитать номер ещё раз, набрала сама и услышала короткие гудки. Ответили не сразу.

— Климовы? Это Соня Орлова, мы у школы. Вам нужен транспорт?

— Климовы съехали летом, — сказал мужской голос. — Я тут снимаю комнату. Мне машина не нужна, я на ногах.

Соня зачеркнула строку у Петра в ведомости, но фамилию в своём списке оставила. Рядом написала: «не проживают, проверено звонком».

— Вот и всё подтверждение, — сказала она. — Не переносите данные из диспетчерской к нам, пока не поговорили с самим человеком.

Пётр опустил телефон.

— Там таких много?

— Не знаю. Но в октябре выгрузка была обновлена, — отозвалась Уварова от стены. — По крайней мере, мне так сказали.

Она закончила звонок и спрятала телефон в карман. Говорила ровно, однако пальцы всё ещё держали край куртки.

— Кто именно сказал? — спросил Лев.

— Сотрудник отдела. Сейчас это неважно.

— Для маршрута важно. Если список старый, машины могут уехать не туда.

Уварова сжала губы.

— Я не утверждаю, что он точный.

— Вы только что сказали, что он обновлён, — заметила Татьяна. — Это разные вещи.

Уварова не ответила. Соня подвинула к ней лист с добровольными заявками.

— Мы не сверяем чужие личные дела и не собираем сведения про тех, кто не просил помощи. Нам нужно понять, кому сейчас требуется транспорт. Если у вас есть телефон дежурного по домам, позвоните и попросите передать жильцам наш номер. Пусть отвечают сами.

Уварова взяла лист. На секунду задержалась на фамилии Татьяны, потом повернула бумагу к себе.

— Я позвоню.

— А про утро? — спросила Татьяна. — Вы сказали людям, что тепло будет к утру.

— Я сказала, что бригада работает.

— Вы сказали: «К утру включим».

— Я постараюсь выяснить, что можно сделать.

— Не надо выяснять, что можно сказать, — отрезала Татьяна. — Узнайте, что будет с батареями.

В комнате никто не пошевелился. Вентилятор обогревателя под сценой шумел сухо и ровно, но тепла от него хватало лишь на ближайшие стулья. Соня видела, как люди сдвигают к ногам сумки и прячут руки в рукава. Никто не требовал от Уваровой невозможного. От неё требовали не подменять неизвестность обещанием.

Уварова подняла телефон.

— Я перезвоню диспетчеру и уточню сроки.

— Не «сроки по заявке», — сказала Нина, появившись в дверях. Она сняла перчатки, но не пальто. — Спросите, кто осмотрел ввод, кто отвечает за перемычку и когда приедет аварийная бригада. До осмотра я не подтвержу, что здание можно отапливать. В подвале опасный участок, туда никого не пускать.

— Я знаю, что вы там нашли, — сказала Уварова.

— Тогда не обещайте людям тепло к утру.

Нина не повысила голоса. От этого слова легли на комнату тяжелее, чем если бы она крикнула. Уварова отвела глаза и набрала номер.

Пока она ждала ответа, Пётр проверял адреса по одному. На тридцать шестой строке карандаш уже оставил два исправления: одна семья переехала, другой человек сам добрался до сестры. В новом списке было меньше фамилий, чем в старой ведомости, но возле каждой стоял свежий ответ и время следующего звонка.

— Четыре человека подтвердили, что едут, — сказал Пётр. — Ещё двоим нужно позвонить после десяти. Один адрес пока не отвечает.

— Туда поедет человек с телефоном, — сказала Соня. — Не для проверки квартиры. Оставить номер на двери и попросить соседей передать, что машина будет у перекрёстка.

Лев кивнул и взял со стола маршрут.

— Я схожу.

— Пётр уже обещал встретить следующую машину, — сказала Соня. — Возьми его с собой, когда вернётся водитель.

— Хорошо.

Он не стал спорить. Соня тоже не стала объяснять, почему ей важно, чтобы он не уходил один. Между ними лежали листы с адресами, и оба смотрели на них.

Уварова наконец заговорила в телефон:

— Нет, мне не нужна отметка о принятой заявке. Мне нужен ответ по фактическому состоянию здания… Да, я понимаю, что осмотр ещё не завершён.

Она слушала, прижимая телефон к уху. Лицо её понемногу менялось: раздражение уступало чему-то более осторожному.

— Значит, до утра вы не подтверждаете подачу тепла? — спросила она. — А когда будет бригада?

Пауза.

— Через сорок минут? Хорошо. Я передам.

Она отключилась.

— Бригада будет через сорок минут, — сказала Уварова. — Осмотрит ввод и решит, можно ли продолжать работы.

— Не решит по телефону, — поправила Нина. — После осмотра скажет, какие работы нужны и где людям находиться. Утром тепла никто не гарантировал.

Уварова взглянула на неё, затем на собравшихся.

— Я сказала им, что будет.

— Тогда сейчас позвоните тем, кому обещали, — сказала Соня. — И сообщите, что подтверждения нет. Не после осмотра. Сейчас.

Уварова постояла, будто ждала, что кто-то снимет с неё эту обязанность. Никто не заговорил. Она набрала номер и отошла к двери, чтобы не перекрывать проход.

Татьяна подтянула к себе лист маршрута.

— А меня пока не ставьте в машину, — сказала она Соне. — Если найдёте человека, который поможет спуститься, тогда решим. Не заранее.

— Хорошо.

— И отметьте, что я сама решаю.

Соня написала это крупно, рядом с фамилией. Татьяна прочитала, кивнула и снова села, не выпуская спинку стула из рук.

Снаружи коротко посигналила машина. Лев выглянул в коридор и вернулся с водителем: первый рейс уже был готов идти за следующими пассажирами. Пётр сверил адреса с теми, кто подтвердил поездку, зачеркнул старую остановку и вписал новую — к перекрёстку, где дорога была расчищена.

Соня сняла со шкафа лист с надписью «Транспорт» и закрепила его рядом с входом. Теперь в нём было тридцать шесть фамилий, но не тридцать шесть пассажиров: только те, кто сам попросил машину, и те, кому ещё предстояло ответить.

Уварова говорила у двери негромко, повторяя людям, что утреннего тепла обещать не может. Нина записала время приезда бригады и осталась у телефона, чтобы встретить её у входа в подвал. Лев и Пётр вышли к перекрёстку, а водитель открыл заднюю дверь.

На улице мигнули фары. Первые пассажиры подошли к машине не по старой ведомости, а на голос человека, который назвал их по имени.

Глава 3. Нина и красная линия

Нина Арсеньева натянула красную ленту поперёк лестницы и закрепила её на перилах двумя оборотами.

Лев, спускавшийся следом, остановился на третьей ступеньке.

— Это ненадолго, — сказал он.

— Именно поэтому и закрепила. Чтобы никто не решил, будто ненадолго можно нарушить.

В подвале гудело. Звук шёл из глубины, неровный, с металлическим срывом, будто большая машина пыталась удержать дыхание. На стенах блестели капли. Лампа под потолком мигала, и при каждом затемнении красная лента исчезала, а потом возникала снова — тонкая, почти праздничная, только праздника здесь не было.

Соня осталась выше, у двери. Она держала телефон и папку с листами регистрации, прижатую к груди. На улице уже стемнело, но ледяной дождь не усиливался: за стеклом он висел прозрачной коркой на фонарях и ветках, превращая двор в неподвижный, плохо освещённый рисунок.

— Бригада будет через двадцать минут, — сказала Соня. — Водитель подтвердил.

— Через двадцать минут у нас может быть пустая школа, — ответил Лев. — Люди мерзнут в квартирах. Пункт обогрева не рассчитан на всех, кто позвонит утром.

Нина повернула к нему лицо. Под шерстяной шапкой волосы у неё выбились на виски. Она сняла перчатку, достала из кармана блокнот и записала время.

— Сейчас девятнадцать сорок две. Я фиксирую, что оборудование работает в нештатном режиме. Доступ в подвал закрыт до обследования. Верхние классы я осмотрела: временно при-

нимать людей разрешаю только там. Нижний коридор нужно освободить и отделить от общей зоны.

— Я понял, что вы фиксируете. Я спрашиваю, почему нельзя открыть дверь, вызвать дежурных и запустить систему нормально.

— Потому что она уже запущена.

— Тогда почему в школе холодно?

— Потому что работающая система не всегда означает безопасную и пригодную систему.

Лев спустился ещё на ступеньку, но красной ленты не коснулся.

— Там одна перемычка, так ведь? Пётр говорил, что коммунальщики знали.

— Пётр говорил то, что смог выговорить. Это разные вещи.

— Нина.

— Лев.

Её голос не стал громче. От этого его раздражение стало заметнее: оно не находило, за что зацепиться.

Нина показала на нижнюю часть лестницы.

— Видишь следы воды на стене?

— Вижу.

— А ржавчину на креплениях?

— Вижу.

— И то, что лампа питается от временной линии?

— Я не электрик.

— Поэтому ты видишь только то, что можно назвать. А я вижу систему, которая пережила вмешательство, о котором нет нормального акта. Вода, электричество, давление и помещение, куда люди могут войти в куртках и с мокрой обувью, — это не четыре отдельные проблемы. Они складываются в одну.

Лев сжал ладонь на перилах.

— Но если мы будем ждать, пока каждый документ окажется на месте, люди замёрзнут.

— Мы не ждём документов. Мы ждём людей, которые умеют обследовать объект и отвечают за решение подписью, а не жестом руки.

В коридоре сверху хлопнула дверь. Соня обернулась. Пётр вошёл, прижимая к уху телефон.

— Машина бригады задерживается на соседней улице, — сказал он. — Там перекрыли проезд. Ещё минут десять.

— Передай, чтобы подъезжали к запасному входу, — сказала Нина. — И чтобы никто не спускался один.

Пётр кивнул и снова отошёл к стене. В его лице было прежнее напряжение диспетчера, который привык сообщать плохие новости раньше, чем они становились видимыми.

Лев поднял глаза на Нину.

— Десять минут. Мы можем хотя бы открыть заслонку…

— Нет.

— Я даже не сказал, что именно сделать.

— Ты сказал достаточно.

— Люди наверху не поймут, почему им запрещают пользоваться тем, что вроде бы принадлежит школе.

— Тогда объясним. Школа не должна становиться местом, где ради скорости один человек рискует всеми.

— А если риска не избежать?

— Его можно ограничить. Эвакуировать нижний коридор. Не пускать туда волонтёров. Отделить помещение от общей зоны. Проверить состояние узлов. Получить решение бригады.

Включать оборудование только после того, как будет понятно, что включается и чем это остановят.

— «Чем остановят» звучит так, будто вы сами не уверены.

Нина посмотрела вниз, на гулкое тёмное пространство.

— Я уверена в другом: специалист обязан уметь сказать «не знаю» до того, как появится пострадавший. Не после.

Соня подошла ближе к лестнице.

— Нам нужно перенести людей из малого класса? Там как раз лежат дополнительные одеяла.

— Да, — сказала Нина. — Пусть Пётр поможет. И поставьте у входа человека, который будет направлять. Никто не должен случайно свернуть сюда.

— Сделаем.

Лев резко выдохнул.

— Значит, весь план — ходить по кругу и ждать?

— Нет, — ответила Соня. — План — не допустить, чтобы нам пришлось спасать ещё и тех, кто полезет в подвал.

Она сказала это спокойно, но Лев отвёл взгляд. Сверху донёсся шум стульев: волонтёры освобождали малый класс. Кто-то уже спрашивал, куда отнести коробки. Работа продолжалась, только не там, где ему хотелось.

Нина достала из сумки рулон бумажных наклеек и прикрепила одну к косяку. На ней крупно было написано: «ДОСТУП ЗАКРЫТ. ОБСЛЕДОВАНИЕ».

— Это можно назвать перестраховкой, — сказала она. — Так и назовут, если всё обойдётся.

— А если нет?

— Тогда назовут поздней реакцией. Но я предпочитаю первое.

Лев присел на ступеньку. Красная лента проходила перед его коленями, отделяя его от гудящего подвала. Несколько секунд он слушал не Нину, а собственное нетерпение. Оно толкало его вперёд почти физически: открыть, проверить, сделать хоть что-нибудь руками, чтобы холод перестал быть бессловесной угрозой.

— Я знаю, что ты умеешь работать, — сказал он наконец. — Просто у нас нет времени на ошибку.

— Поэтому я и не буду её совершать ради того, чтобы ты почувствовал движение.

Он усмехнулся, но без веселья.

— Вы всегда так разговариваете с людьми, которые торопятся?

— Только с теми, кто может повести за собой остальных.

Соня поставила папку на подоконник.

— Лев, помоги Петру с классом. Потом проверь вход: чтобы жители не ждали под дождём. Нина останется здесь.

— А если бригада не успеет?

— Тогда будем пересматривать размещение, а не лезть в подвал.

Лев посмотрел на красную ленту. Она была натянута не туго: при желании её можно было отстегнуть одним движением. Именно это делало запрет настоящим. Ничто не мешало нарушить его, кроме решения человека.

Он поднялся.

— Хорошо. Я не трогаю.

Нина кивнула, не благодаря и не принимая его слова на веру. Она просто записала в блокноте ещё одну строку: «Доступ ограничен. Ответственные уведомлены».

Лев пошёл наверх. На середине лестницы он остановился.

— Нина.

— Что?

— Когда приедут, я буду рядом. Но командовать не стану.

— Этого достаточно.

Он ушёл, и его шаги растворились в коридоре среди голосов, скрипа передвигаемой мебели и коротких распоряжений Сони.

Нина осталась у красной линии одна. За ней гудело нечто, чего нельзя было доверить догадке. Она проверила телефон, время прибытия бригады и ещё раз посмотрела на наклейку на двери. Потом поднялась к входу, чтобы встретить специалистов не в подвале, а там, где каждый мог видеть: проход закрыт, решение принято, ответственность названа.

Нина вышла из школьного тамбура, когда к площади свернула машина аварийной службы. На бортах темнели разводы от ледяного дождя. Следом остановился фургон с инструментами. Лев уже был у ворот: отодвинул сугроб, чтобы машины не пришлось ставить на наклонной ледяной полосе, и жестом показал водителю свободное место.

— Подвал закрыт, — сказала Нина, когда специалисты подошли к двери. — Сначала осмотр снаружи, потом решаем, кто и когда спускается. Жильцов и волонтёров внутрь не пускаем.

Лев стоял рядом, молча держал дверь. От его прежней горячности осталась напряжённая складка между бровей.

Старший бригады попросил показать записи Нины. Она развернула блокнот на странице с временем первого осмотра, отметками о шуме и фотографиями наружных показаний. Не предположения — наблюдения. Специалист пробежал лист глазами, уточнил, кто находился в подвале и когда его покинули, затем распорядился отгородить вход дополнительными стойками.

— Хорошо, что не пытались запускать, — сказал он. — По этому звуку причины не определишь. Нужна проверка всей системы и отдельное решение по перемычке.

— А если она просто заедает? — спросил Лев.

Нина повернулась к нему.

— «Просто» — это слово не для такого места.

Он сжал губы и ничего не ответил. Рабочие тем временем поставили у лестницы переносное ограждение. Красную ленту не сняли: поверх неё повесили табличку с номером ответственного и временем ограничения доступа. Нина сверила запись, подписала её и передала бригадиру.

— Я могу помочь с переносом оборудования наверх? — спросил Лев.

— Никакого переноса, пока не разрешат специалисты.

— Я не собирался лезть к трубам. Там в проходе коробки.

— Если они мешают входу, их уберут по распоряжению бригады. Не сам.

Он словно хотел возразить, но сдержался. Потом позвал Соню, стоявшую в коридоре:

— Попроси волонтёров не складировать ничего у двери подвала. И предупреди людей, что решение по отоплению будет после обследования.

— Уже предупредила. А ты проследи, чтобы никто не ждал снаружи, — сказала Соня. — В помещении теплее.

Это было сказано без упрёка. От этого Леву, кажется, стало только неловче. Он взялся за работу: помог перенести стулья из прохода, затем сходил к входу встретить очередную машину с жителями. Нина видела, как он проверяет по списку фамилии и спрашивает у каждого, нужна ли помощь с вещами, не подменяя ответ собственным решением.

Татьяна Доброхотова приехала не одна из последних. На этот раз она вошла сама, опираясь на трость, и остановилась у стола регистрации.

— Там, у двери, опять таблички развесили, — сказала она. — Это значит, что тепло будет?

— Это значит, что туда нельзя входить, — ответила Нина. — А по теплу пока нет заключения.

Татьяна нахмурилась, но не спорила.

— Значит, я пока посижу здесь. Только не отправляйте меня куда-нибудь без разговора.

— Никто не отправит, — сказала Соня. — Мы вместе решим, где вам будет удобнее.

Нина вернулась к телефону. Бригада запросила сведения управляющей компании: кто обслуживал узел, когда проводились последние работы, есть ли акты отключений. Она записала запрос и позвонила Уваровой. Та ответила после третьего гудка.

— Все документы предоставит наш диспетчер, — сказала руководительница. — Я сейчас не могу заниматься каждой бумажкой.

— Это не бумажка. Бригада запросила историю работ по участку и основания для отключений.

На другом конце повисла короткая тишина.

— Пётр знает, где искать.

Нина записала время разговора. Уварова не предложила приехать и не спросила, кто отвечает за безопасность. Она лишь добавила, что жильцам не следует «раздувать ситуацию», и отключилась.

Нина сообщила Соне содержание разговора. Та выслушала, не перебивая.

— Пётр может передать записи, если они у него есть. Но ничего из документов не уносить и не исправлять, — сказала Соня. — Пусть копии получат официально.

— Я уже попросила бригаду оформить запрос, — ответила Нина. — И отдельно попросила указать, что доступ ограничен до обследования.

Лев вернулся с улицы, стряхивая с рукавов мокрый снег.

— Двое попросили отвезти их к родственникам. Машина будет через десять минут. Остальные разместились в классе.

— Спасибо, — сказала Соня и передала ему обновлённый список.

Он пробежал глазами пометки, потом задержался на строке с фамилией Татьяны.

— Ей нужен сопровождающий?

— Она сама сказала, что хочет остаться здесь, — ответила Соня. — Спроси, прежде чем решать за неё.

Лев кивнул и подошёл к Татьяне. Нина не слышала слов, но видела, как он отодвинул стул, не касаясь её локтя, и дождался ответа, прежде чем взять сумку.

Из подвала больше не доносился прежний гул. Это не было хорошей новостью само по себе; Нина знала, как легко тишину принять за исправность. Она внесла в блокнот время, когда звук прекратился, и передала отметку бригаде. Специалисты не торопились объявлять результат. Один осматривал внешние соединения, другой сверял сведения с документацией. Дверь оставалась закрытой.

Лев подошёл к Нине, когда она убирала телефон в карман.

— Я хотел, чтобы хоть что-то заработало до утра, — сказал он.

— Понимаю.

— Нет, не до конца. Я видел людей с сумками и думал: если мы быстро откроем, станет легче. А ты говорила про тех, кто может пострадать.

— Мне тоже хочется, чтобы стало легче. Но желание не делает узел безопасным.

Он посмотрел на табличку у двери.

— Если бригада скажет, что запускать нельзя?

— Тогда не запустим. И продолжим размещать людей там, где это безопасно.

Лев потёр ладонью затылок.

— Ладно. Я буду помогать с тем, что можно проверить.

Это не прозвучало как обещание исправиться навсегда. Нина и не ждала обещаний. Она протянула ему лист с перечнем задач на ближайший час: встреча машин, свободный проход к классу, отметки о тех, кому требуется сопровождающий.

— Здесь всё без подвала, — сказала она.

— Вижу.

Он взял лист и пошёл к коридору. На этот раз не оглянулся на лестницу.

Нина осталась у входа вместе с представителем бригады. На мокром асфальте темнели следы шин; над площадью медленно редел снег. В школе двигали стулья, звонили родственникам, уточняли маршруты. У закрытой двери ждали не с инструментами, а с документами и решением тех, кто отвечал за систему. Красная линия теперь была видна даже в тусклом свете тамбура. Никто не перешагнул её.

Лев вернулся через несколько минут. В одной руке он держал список адресов, в другой — пластиковый стаканчик с остывшим чаем.

— В классе спрашивают, нельзя ли хотя бы проверить батареи на втором этаже, — сказал он. — Если там пусто, люди не будут зря ждать.

— Проверить можно, — ответила Нина. — Запускать нельзя.

— Я не про запуск. Просто посмотреть, что происходит.

— Тогда пусть смотрит бригада. У них есть допуск и понимание, какие данные сейчас важны. Нам нельзя отправлять кого-то по зданию проверять радиаторы на ощупь, пока система не обследована.

Лев нахмурился. Не сердито — скорее так, будто пытался отыскать в её словах место, где можно протиснуть надежду.

— Люди замёрзли не в теории, Нина.

— Я знаю. Поэтому они не в подвале.

Он опустил стаканчик на подоконник. Оттуда тянуло холодом; стекло было матовым от влаги.

— А если ждать до утра?

— Тогда до утра мы отвечаем за их безопасность здесь. Не за тепло в батареях.

— Ты говоришь так, будто эти вещи можно разделить.

— Их приходится разделять, когда одна из них может сделать хуже другой.

Из коридора донёсся скрип передвигаемого стула. Кто-то кашлянул, и сразу несколько голосов заговорили тише. Лев повернул голову на звук. В школе уже устроились первые жильцы, но ни один класс не становился от этого тёплым. У батареи в тамбуре кто-то оставил пару мокрых варежек; вода с них стекала на плитку.

— Я могу позвонить знакомому из ремонтной службы, — сказал Лев. — Он знает эту школу. Может, хотя бы посмотрит, что за перемычка.

Нина сняла очки, протёрла их краем шарфа и надела снова.

— Нет.

Слово вышло спокойным. От этого Лев услышал его лучше.

— Даже посмотреть?

— Особенно посмотреть. Мы не знаем, под каким давлением сейчас участок, что отключено и что осталось соединённым. Я не буду приглашать человека без бригады и давать ему повод входить туда, где доступ ограничен. Пусть знакомый ждёт официального запроса.

Лев повёл плечом, словно стряхивал с него чью-то руку.

— Ты можешь хотя бы сказать, что именно там опасно?

— Могу сказать, что система не соответствует тому состоянию, в котором её можно безопасно обследовать для запуска. Есть сведения о несанкционированном изменении схемы. Я не стану угадывать на слух, где оно и как себя поведёт. Для этого нужны документы, осмотр и люди, которые несут за работу ответственность.

— Но ты ведь понимаешь, что это означает для тех, кто сейчас сидит в классах.

— Да. Поэтому я не обещаю им тепло к рассвету.

Лев посмотрел на папку у Сони. Она стояла у двери и отмечала в листе, кто остался в школе, а кто уехал к родственникам. Внизу страницы Соня приписала: «проверить, кому нужен звонок утром». Рядом с ней Пётр держал телефон двумя руками и диктовал кому-то адрес пункта обогрева.

— Я думал, если открыть подвал, у нас появится хотя бы шанс, — сказал Лев.

— Он у нас появится, когда бригада закончит обследование и будет понятно, что именно можно делать. Открытая дверь сама по себе ничего не исправляет.

— А если они потратят ночь на бумаги?

— Тогда утром у нас будут бумаги, по которым можно работать, а не ещё один человек с ожогом или травмой. И не будет спору о том, кто разрешил войти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.